

ИДЕЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ЧУЖОГО

Осмысление феномена толерантности является популярным и актуальным в современном мышлении. В философии эта тема связана с утверждением принципиальной множественности «жизненных миров» (сознательных монад, смыслов, культурных миров и т. д.), в отличие от единого мира. Однако в плюрализме самом по себе не заложена гарантия признания и сохранения этого многообразия, поскольку не предполагается некоторый высший организующий принцип. Встает вопрос о том, что в таком случае могло бы обеспечить целостность, единство и согласие, и дается ответ – толерантность. Идея толерантности представляет собой попытку восполнить «недостаток» плюрализма, но не ставит ли его это «усовершенствование» под угрозу?

Идея плюрализма разрабатывается в творчестве М. М. Бахтина. Его характеристика полифонического романа как множественности «самостоятельных голосов и сознаний» или, другими словами, как множественности равноправных сознаний с их мирами, которые даны не в одном кругозоре, а в нескольких полных и равноценных кругозорах, являет собой пример применения идеи плюрализма в области литературоведения. Бахтин, таким образом, утверждает равноправие голосов, сознаний, что делает невозможным метапозицию, или привилегированность какого-либо голоса, сознания, кругозора, а следовательно, и приложение к ним некоторого единого принципа объяснения. Единственный и всеобщий логос звучит монологически и заглушает остальные голоса, «поднимаясь» над ними и «связывая» их, «охватывая» их различия.

Исчезновение классической формы порядка описывается Б. Вальденфельсом, и постулируется приход новой формы порядков, которая «прокладывает себе путь, когда возникает подозрение, что этот кажущийся таким нерушимым и всеобъемлющим порядок есть лишь один среди других возможных порядков». Великий и всеобъемлющий порядок, характерный

для классического мышления, распадается на порядки, которые, со своей стороны, переменчивы и ограничены, обнаруживают подвижные границы и допускают инновации, затрагивающие основания.

В плюралистическом мире, мире «после» классического порядка фундаментальную значимость приобретает осмысление таких феноменов, как различие, инаковость. Требование толерантности звучит как призыв к ненасильственному отношению ко всем формам различности, сохранению в полной мере своеобразия чьей-либо чуждости. Однако формулируется условие того, что она (толерантность) не должна представлять угрозы остальному. Таким образом, встает вопрос о том, совместимы ли эти два требования («гармонии» целого и подлинной чуждости) и каким образом, в случае положительного ответа.

В трансцендентальной феноменологии Гуссерля тема Чужого возникает как проблема соотносимости с конституированными смыслами Другого сознания. Гуссерль, исследовав возможность сочетания личной индивидуальности и общества, плюрализма и единства человечества, обосновывает естественность и правомерность ситуации непонимания и невозможность тотального единомыслия. Воззрения Гуссерля на проблему установки смыслов чужого противоречивы. С одной стороны, он настаивает на исконном ядре или основополагающем слое собственного, с другой – говорит об *изначальном перворазличении* между Я и Другим. В случае перворазличения собственное и чужое являются *равноисходными*. Эта идея радикализуется в творчестве Ж. –П. Сартра и связана с темой «диалектики взглядов» у Э. Левинаса при анализе этики Другого. Решающим и общим для вышерассмотренных философских концепций является то, что чуждость не становится жертвой уже готовой институциональной или языковой общности.

Однако эта формулируемая равноисходность при более глубоком анализе оказывается асимметричной в пользу Другого: «Другой» есть первый человек, не я», – пишет Э. Гуссерль. У Ж. П. Сартра взгляд Другого, его субъективность поглощает, подчиняет собственную. Э. Левинас говорит об отношении *один-для-другого* вплоть до готовности пойти на

смерть. То есть в предельном случае «привилегированность» Другого грозит утратой (или добровольной жертвой) моего Я.

Итак, можно реконструировать некоторый круг: чтобы избежать «войны всех против всех», выдвигается требование уважения другого, сохранения его самобытности в виде идеи толератности. Однако, идя по этому пути, исследователи снова наталкиваются на «радикальную чуждость», угрозу собственному Я, и «война всех против всех» просто переносится в область трансцендентального сознания. Концепции толерантности, которые избегают этой ловушки, то есть делают акцент на ассимиляции чуждого в целое, сталкиваются с обвинениями в уничтожении инаковости. Ж. Бодрийар называет процесс, при котором культура вовлекает в себя, абсорбирует, подражает и пожирает – каннибализмом или «высшей формой связи с Другим». Об этом же пишет П. Фейерабенд, когда рассматривает несовместимость демократических принципов в их современном понимании с полнокровной, не искалеченной жизнью обособленных культур. «Другой в своем радикальном проявлении *невыносим*, его нельзя уничтожить, но нельзя и принять: таким образом, необходимо проводить в жизнь Другого, способного стать предметом сделки, Другого, который походил бы на различие. И здесь берет свое начало более тонкая форма уничтожения, при которой вступают в игру все гуманистические добродетели современности», – пишет Ж. Бодрийар. Таким образом, существует опасность, что во имя интеграции инаковость будет преодолевать в результате более или менее насильственного *усвоения чуждого*. Эту опасность «гомогенизации» Ж. Бодрийар видит в росте энтропии.

Еще одно следствие из того, что в начале находится Другой, а не я, – есть то, что интерсубъективность, всякой причастности вопреки, основывается на *разделении, различии*: «*пропасть* между восприятием чуждого и самовосприятием не может быть сведена ни к какому общему смыслу» (Э. Гуссерль). «Иное является такой инаковостью, которая не ограничивает (соприкасаясь) Тождественное, ибо, ограничивая Тождественное, Иное не было бы уже, строго говоря, Иным: из-за *общности* границы оно оказалось бы внутри системы,

где опять превратилось бы в Тождественное» (Э. Левинас). «Опыт «Другого» и «Чужого» представляет собой, таким образом, опыт *непреодолимого* отсутствия», «отсутствие, даль и *недоступность* относятся к чуждости как таковой» (Б. Вальденфельс). Ж. Бодрийар, говоря о радикальной чуждости, или экзотике, утверждает, что принципу связи и примирения противостоит принцип *разрыва связей* и непримиримости. Из этих двух принципов торжествует всегда принцип непримиримости, ибо по своей природе он постоянно обрекает на провал принцип примирения.

Итак, мы видим, что сама сущность Чужого заключается в бесконечной удаленности и недоступности, абсолютной отдельности и разрыве связей, то есть противоречит идее целостности, единства, связи. Поэтому проект толерантности как попытка найти основание для взаимопонимания и согласия, объединения и связи обречен на провал. Чуждость несовместима с идеей всепроникающих связей и понятности как «прозрачности» – ее структурными чертами являются «разрыв», «преграда», недоступность, ускользание. «Правило экзотики, таким образом, состоит в том, чтобы не поддаваться на обман понимания или близости» (Бодрийар). «Радикально чужое *опережает* все усилия по *присвоению* и *противостоит* им в случае чужого взгляда, наступающего нас прежде, чем мы успеваем оглянуться ... чужое не должно предпониматься, потому что так оно становится *частью смыслового целого*» (Б. Вальденфельс).

Итак, толерантность, понимаемая как стремление обезопасить себя от риска «постановки под вопрос моей спонтанности присутствием Другого» (Э. Левинас), опирается на своего рода расчет, регулируемый обмен. «Различия – это регулируемый обмен. Но что же разлаживает, нарушает этот обмен? Что не подлежит обсуждению? Что не вписывается в контракт, в структурную игру различий? Что делает обмен невозможным? Везде, где обмен невозможен, наступает террор. Любое радикальное отличие является эпицентром террора. Террора, который ... мир обрушивает на него в своем стремлении его уничтожить» (Ж. Бодрийар).

Поскольку радикально Чужое требует отказаться от идеи связи и, следовательно, обмена, ничего иного не остается, как

пойти на риск, невосполнимую трату, смыслонаправленность Дела, не рассчитывая «встретиться» со своим результатом и возможной наградой, поскольку обращен в «мир без меня», после меня – мир Чужого.

*Аспирант кафедры социологии коммуникаций
Удмуртского госуниверситета
О. Н. Малахова
Ижевск*

ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ПОНИМАНИЯ ДРУГОГО (ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В современном мире наблюдается тенденция к автономизации личности, её самостоятельности и независимости в поведении, поступках, принятии решений и т. д. Это ведет со стороны окружающих проявление терпимости к личности, которая часто проявляет себя необычным для большинства способом. Автономная личность, в свою очередь, также должна обладать некоторой долей терпения по отношению к другим, иначе она останется «изолированной». Терпимость друг к другу, на наш взгляд, предполагает понимание. Оно напрямую зависит и от возможностей понимания и их реализации, что указывает на наличие границы понимания. В этом смысле интересным является рассмотрение проблемы возможностей и границ понимания другого.

Понимание есть всегда понимание настроенное (М. Хайдеггер). Последнее предполагает открытость, в которой является мир в целом и которая указывает на путь, имеющий цель: понять этот мир, осмыслить, найти его смысл. Поскольку мир есть множественное образование, то путь предполагает обнаружение множества смыслов. Так, понимание всегда направлено на что-то или кого-то с целью обнаружения смысла, а открытость как свойство понимания полагает некий объект или субъект, т. е. располагает его в собственных структурах.

В данной схеме есть процесс полагания, полагаемое, соответственно, должен быть тот, кто полагает. В феноменологии полагающим выступает трансцендентальный субъект, главное свойство которого – интенциональность сознания (Э. Гуссерль). Последнее открывает два направления описания объек-